

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Книга 3

АД

Том 1

МОСКВА

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	<i>Взгляд из вечности. Ад</i>
Смерть и немного любви	Жизнь после Жизни
Черный список	Личные мотивы
Посмертный образ	Смерть как искусство. Маски
За все надо платить	Смерть как искусство. Правосудие
Чужая маска	Бой тигров в долине
Не мешайте палачу	Оборванные нити
Стилист	Последний рассвет
Иллюзия греха	Ангелы на льду не выживают
Светлый лик смерти	Казнь без злого умысла
Имя потерпевшего никто	Обратная сила. 1842–1919
Мужские игры	Обратная сила. 1965–1982
Я умер вчера	Обратная сила. 1983–1997
Реквием	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Призрак музыки	Горький квест. Том 1, Том 2, Том 3
Седьмая жертва	Другая правда. Том 1, Том 2
Когда боги смеются	Безупречная репутация. Том 1, Том 2
Незапертая дверь	Отдаленные последствия Том1, Том 2
Закон трех отрицаний	Тьма после рассвета
Соавторы	Дебютная постановка. Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	
Тот, кто знает. Опасные вопросы	
Тот, кто знает. Перекресток	
Фантом памяти	
Каждый за себя	
Замена объекта	
Пружина для мышеловки	

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ВЗГЛЯД ИЗ ВЕЧНОСТИ

Книга 3

АД

Том 1

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *Geliografic*

Маринина, Александра.
М26 Взгляд из вечности. Книга 3. Ад. Том 1 / Алек-
сандра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. —
352 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-04-216324-1

Все не так просто, не так ладно в семейной жизни Родислава и Любы Романовых, начинавшейся столь счастливо. Какой бы идиллической ни казалась их семья, тайные трещины и скрытые изъяны неумолимо подтачивают ее основы. И Любе, и уж тем более Родиславу есть за что упрекнуть себя, в чем горько покаяться, над чем подумать бессонными ночами. И с детьми начинаются проблемы, особенно с сыном. То обстоятельство, что фактически по их вине в тюрьме сидит невиновный человек, тяжким грузом лежит на совести Романовых. Так дальше жить нельзя — эта угловатая, колючая, некомфортная истина становится все очевидней. Но Родислав и Люба даже не подозревают, как близки к катастрофе, какая тонкая грань отделяет супругов от того момента, когда все внезапно вскрывается и жизнь покатится по совершенно непредсказуемому пути...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216324-1

© Алексеева М.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

— Что ты несешь?! — сердился Камень. — Да, я согласен, Родислав расстроился из-за того, что Люба не откликнулась на его желание, а кто бы не расстроился? Любому мужу не нравится, когда он хочет, а жена — нет. А про все остальное — это чистой воды бредни. Никогда не поверю, что Родислав пал так низко! Это ж надо такое придумать: потренироваться на жене, чтобы потом гулять по девкам! Не смей компрометировать моего героя, не смей на него клеветать.

— Да какая же тут клевета? — оправдывался Ворон, которому и самому неловко было излагать все это Камню. — Тут все правда от первого и до последнего слова.

— Ты не можешь этого знать! Ты не умеешь читать мысли! А Родислав не мог никому этого рассказывать, мужчины такими вещами друг с другом не делятся.

— А я вот знаю, — упрявился Ворон. — Не могу тебе сказать откуда, но знаю точно.

— Почему не можешь сказать? — с подозрением спросил Камень. — Что у тебя за секреты появились? Немедленно признавайся, или нашей дружбе конец.

— Ну... это... Только ты не ругайся, ладно? — забормотал Ворон. — Я тебе раньше не говорил,

потому что не был уверен, и еще я боялся, что ты надо мной будешь смеяться... Дай слово, что не будешь ругаться и смеяться.

Ворон, похоже, напрочь забыл, что объявил движение протеста. И куда только девались его гордость и независимость? Камень решил не напоминать другу об этом, ему гораздо больше нравилось, когда Ворон чувствовал себя нашкодившим и виноватым. Это позволяло проявлять великодушие и ощущать себя значительным и могущественным.

— Ладно, не буду ни ругаться, ни смеяться, — пообещал он. — Говори.

— Знаешь, — Ворон понизил голос, — у меня недавно появилась странная способность как будто видеть в чужой голове.

— Мысли, что ли, читать?

— Ну, что-то типа того. Но я не у всех в голове вижу, а только у тех, на кого настроился, кого давно знаю и хорошо чувствую. Вот у Родислава вижу, у Любы вижу, иногда вижу у Лизы и у Аэллы. Я хочу тебе признаться... Помнишь, ты несколько раз у меня спрашивал, откуда я то или другое знаю, а я тебе говорил, что слышал телефонные разговоры.

— Ну, помню. Врал, что ли? — нахмурился Камень.

— Врал, — признался Ворон, понурился головой. — Никаких таких разговоров я не слышал, я в голове видел. Ну, чего, будешь меня убивать за это?

— За что? Ты же не виноват, что на тебя такой дар свалился.

— А за вранье?

— Вот за вранье тебя надо бы выпороть да все

перья из тебя повыдергивать, — вынес свой вердикт Камень. — Жалко, у меня рук нет.

— А ты мне поручи, — весело подал голос с высоты Ветер. — У меня хорошо получится.

— Заткнись, кулацкий подпевала! — огрызнулся Ворон, задрав голову вверх. — Тебя никто не спрашивает.

Но Ветер никогда не страдал обидчивостью и чаще пребывал в хорошем настроении, нежели в дурном.

— Почему же? Спроси меня, и я тебе отвечу, что врать нехорошо. Некрасиво. Особенно старым друзьям. Врагам — можно, а друзьям не надо. Я, к примеру, никогда не вру, всегда говорю правду.

— То-то на тебя полпланеты обиду заковырало, — заметил Ворон. — Ты всегда правду-матку в глаза режешь, никакой деликатности в тебе нет.

— Истина превыше всего, — авторитетно вмешался Камень. — Ветер совершенно прав, он никогда не кривит душой и честно смотрит всем в глаза.

— Ага, ты еще скажи, что это его огромное моральное достоинство! — заверещал Ворон. — Да он знаешь почему правду всегда говорит?

— Ну почему же? — прищурился Камень.

— Потому что у него мозгов не хватает подумать, прежде чем ляпнуть чего-нибудь, а надо ли вообще об этом говорить, и если надо, то какими словами. Правда — штука тонкая, с ней надо аккуратно обращаться, а то как сказанешь, пусть и правду, но такими словами и таким тоном, что лучше бы уж сразу убил, чем такое говорить. Быть абсолютно честным может себе позволить

только очень умное существо, а если оно не очень умное, то пусть лучше врет или вообще молчит в тряпочку.

— Правда и истина — категории этики, они не могут зависеть от интеллектуального уровня, они абсолютны и сами по себе являются самоценностью, — упорствовал Камень. — И за попрание этих категорий тебя, Ворон, надобно высечь или иным каким способом примерно наказать. Но я сегодня добрый, и я тебя прощаю. Ты до того меня расстроил с Родиславом, что у меня не осталось душевных сил на тебя сердиться.

— А чего я тебя расстроил? Чего расстроил-то? — заторопился Ворон, чувствуя, что опасность миновала, и радостно расправляя крылья. — Все, по-моему, очень даже хорошо получилось. Любочка моя совершенно права, что отказала мужу. У нее есть женская гордость, она о женской чести все правильно понимает. Как это так: одиннадцать лет он таскался неизвестно где, по чужим койкам, а теперь — здрастье-пожалуйста, примите меня в свои объятия, потасканного и неизвестно какими болезнями зараженного. Да если бы она ему не отказала, я бы ее уважать перестал!

— А как же Родислав? Для него это было очень важно, он же не хочет быть импотентом, — встрял Ветер. — Люба бы ему уступила, и все бы у них хорошо получилось, и они бы снова полюбили друг друга. Разве плохо?

— Эк у тебя все просто, — досадливо отмахнулся Камень. — Здесь невозможно угадать, как было бы правильно, а как неправильно. Все зависит от результата. Если бы получилось так, как ты, Ветер, нарисовал, то, конечно, было бы здорово, никто и не спорит. А если бы у них все получилось и

Люба стала бы любить его еще сильнее и поверила в то, что он опять ее любит, а Родислав начал бы с новой силой таскаться по бабам? Это как, по-твоему? Хорошо, что ли? Или у них бы ничего не получилось, и Родислав окончательно убедился бы в том, что он полный и безвозвратный импотент, и стал бы на этой почве психовать, запил бы или в таблетки ударился. Тоже, что ли, хорошо? Сейчас у них отношения хоть в каком-то равновесии, а этот интим мог все разрушить и испортить. Так что я склонен согласиться с Вороном, хотя за Родислава мне, конечно, ужасно обидно. Если ты, глупая птица, не ошибся и все прочитал у него в голове правильно, то Родислав сильно упал в моих глазах. Я огорчен.

— Да брось ты, — легкомысленно дунул Ветер. — Все человеческие самцы такие, других не бывает. Ты просто идеализируешь своего Родислава, потому что он твой любимчик, а он такой же, как все остальные.

— Ты не можешь судить... — начал было Камень, но Ветер не дослушал его и перебил:

— Могу я судить, могу, потому что мотаюсь испокон веку по всему свету и всякого повидал. Уж можешь мне поверить, я и за первобытными самцами наблюдал, и за древними римлянами времен братьев Гракхов, и за греками, когда там еще Платон и Сократ жили, и за галлами, и за индейцами, и за индусами. Да за всеми! Во все времена человеческие самцы мерились друг с другом длиной своего этого самого и количества покоренных женщин: у кого больше — тот и лучше. За миллион лет так и не поумнели.

Камень в ужасе слушал то, что говорил Ветер.

— Неужели это правда? — тихо спросил он Ворона.

— Наш Ветер никогда не врет, — уныло подтвердил Ворон. — Всегда правду-матку в глаза режет. Я знал, знал, что тебя это огорчит, ты про чело-веков имеешь гораздо лучшее мнение, но что я мог сделать? Я же не мог его заткнуть, а он со своей правдой вечно лезет! Никакой деликатности в нем нет. Да ты не огорчайся, давай я тебе лучше интересное расскажу, хочешь?

— Хочу! — послышался с высоты голос Ветра.

— Уйди, противный, тебя не спрашивают. Расстроил Камешка до невозможности, а теперь еще интересное ему подавай! Перетопчешься.

— Рассказывай, — плаксивым тоном потребовал Камень, — отвлеки меня от печальных раздумий.

— Как вы думаете, — торжественно и неторопливо начал Ворон, — кто был тот мужчина, который спас Любу от грабителя?

— Тайный поклонник, — тут же предположил Ветер. — Он давно влюблен в Любу, но не решается познакомиться с ней и признаться в своих чувствах.

— А ты, Камешек, как думаешь?

— Я думаю, что это просто мужественный и добропорядочный человек, который не смог смириться с тем, что на его глазах обижают слабую женщину, — строго произнес Камень.

— А вот и не угадали! — обрадовался Ворон. — Это был тот мужик, который сидел в скверике перед зданием суда, когда Геннадия Ревенко судили. Только тогда он старше выглядел, а теперь моложе. Но это точно он, я не ошибся.

— Как это ты не ошибся, когда как раз ошиб-

ся, — с упреком поправил его Камень. — Он тогда, во время суда, был моложе на девять лет, а сейчас стал старше. Вечно у тебя в голове путаница.

— Ничего не путаница! — обиделся Ворон. — Я тебе говорю как есть. Во время суда ему было лет сорок, а теперь максимум тридцать пять. Я, может, и тупой, но не слепой.

— Так это что же выходит, — от изумления Камень забыл огорчаться и изображать депрессию, — он гримировался, что ли?

— А я о чем! — подтвердил Ворон его догадку. — И когда неизвестный нам мужчина спасал Лелю от маньяка и все время ходил переодеваться, он, наверное, тоже пытался внешность изменить.

— А может, это был один и тот же человек? — спросил Камень.

— Да ты лицо-то его видел или как? — снова не утерпел Ветер. — Чего мы гадаем на кофейной гуще? Лицо-то какое у него было?

— Другое, — вздохнул Ворон. — В день суда и в день Любы с сумочкой лицо было одинаковое, только возраст разный, а когда был маньяк, тогда и лицо было другое.

— Это не показатель, — живо заметил Камень. — Лицо можно какое угодно сделать при помощи грима. А помнишь, еще был какой-то кавказец, который Кольку от расправы спас?

— Так он же был кавказец, — удивился Ворон. — А эти все славяне.

— А грим?

— А акцент? — отпарировал Ворон. — Я слышал, как он говорил. Славяне так не говорят.

— А имитация? Про это ты слышал когда-нибудь?

— Я не пойму, ты на что намекаешь? — разозлился Ворон. — На то, что все эти четыре мужика были один и тот же тип в разном гриме, а я не разглядел? Ты это хочешь сказать?

— Я не знаю, — вздохнул Камень. — Я просто спрашиваю, может такое быть или нет?

— А я тебе ответственно заявляю: этого быть не может. У них не только лица разные, но и фигуры, и походки, и голоса. И не морочь мне голову! Я пока смотрел на эпопею с сумочкой, чуть со смеху не лопнул: сумка-то из ремонта, пустая, в ней даже старого трамвайного билетика не завалялось, а этот рыцарь недоделанный гоголем смотрит, дескать, герой, сокровище спас! Любочка-то моя молодец, деликатность проявила, не стала ему говорить, что сумка пустая, наоборот, благодарила так искренне, словно у нее там вся зарплата вместе с паспортом и ключами от квартиры лежала. Умница девочка. Люблю я ее!

— Смутил ты меня, — задумчиво проговорил Камень. — Один человек Кольку спас, другой Лелю, третий Любу, ну ладно, пусть только Любину сумку, но все равно спас. У них там что, бригада спасателей семьи Романовых? Надо бы в этом деле покопаться...

* * *

Телевизор в кабинете Андрея Сергеевича Бегорского работал с выключенным звуком. На экране скрипач играл над гробом Ильи Кричевского, погибшего в последний день августовского путча в тоннеле на Садовом кольце. Похороны

троих молодых людей состоялись еще 24 августа, но сюжет несколько раз повторяли по разным программам в течение следующих дней. Люба Романова сидела в кресле директора завода, сжимала в руке телефонную трубку и плакала. Она знала, что сейчас ей надо быть сильной, собранной, организованной, ей нужно все наладить и устроить, прежде чем уезжать в Нижний Новгород — именно так с прошлого года стал называться город Горький.

Два часа назад позвонила Тамара и странным ровным голосом, за которым прятались недоумение и растерянность, сообщила, что Гриши больше нет. Он был убит преступниками во время ограбления их квартиры. Сама Тамара в это время была на работе, а Григорий работал дома, выполнял срочный заказ. Для Любы не стоял вопрос о том, ехать или не ехать к сестре, вопрос был только в том, как ей организовать жизнь дома и на работе во время своего отсутствия. Ну и, разумеется, стоял вопрос о том, как уехать, то есть как и когда купить билет на сегодняшний поезд.

Первым, к кому она побежала со своей бедой, был директор завода Бегорский. Он выслушал Любу молча, плотно сжав губы и попутно делая какие-то пометки на перекидном календаре.

— Я поеду с тобой, — решительно заявил он, когда Люба умолкла. — Ничего не говори, я все равно поеду. Похоронами надо заниматься, а кто будет это делать? Томка наверняка не в себе, ты в Горьком никого и ничего не знаешь, нужно либо поднимать связи Григория, либо обращаться к моим знакомым, у меня там есть кое-кто. Ты одна не справишься.

— Андрюша...

— Ты не сможешь сделать все, что нужно и как надо, — прервал он ее тоном, не терпящим никаких возражений. — Я тебе помогу. Тебе и Томке. Теперь так: насчет билетов не беспокойся, это я устрою. Самолетом полетишь?

— Полечу, — покорно кивнула Люба. — Мне все равно, лишь бы побыстрее оказаться рядом с Тamarой. Не представляю, как она там одна.

— Родька знает?

— Нет еще. Я к тебе первому побежала. Пока никто не знает, кроме нас с тобой.

— А Николай Дмитриевич?

— Тоже нет. Надо собраться с силами, всем позвонить и сказать... Я не смогу, — Люба заплакала.

Бегорский налил воды и протянул ей стакан. Люба выпила воду залпом, стуча зубами о край стакана. Стало немножко легче.

— Родьке я сам позвоню, — сказал Андрей. — А уж с папой разговаривать придется тебе, он меня почти не знает. Какие еще проблемы надо решить?

— Завтра срок выплаты зарплаты Раисе, сиделке Лизиного сына, надо передать ей деньги. Я обычно сама это делаю. У Родика не будет времени. Кому я могу еще это поручить? Никто ведь не знает, что мы ей платим, ни Колька, ни Леля, только мы с Родиком, ты и Аэлла.

— Вот пусть Алка и передаст ей деньги.

— Но для этого мне нужно встретиться с Аэлкой и отдать ей конверт...

— Ничего, — усмехнулся Андрей, — из своих заплатит, она у нас девушка не бедная, двести рублей насобирает. Вы ведь двести платите?

— Двести, — подтвердила Люба, в очередной раз поразившись цепкой памяти Бегорского.

— Когда вернешься из Нижнего — отдашь Алке. И выбрось это из головы, Алке я тоже сам позвоню, не трать на это время и силы. Что еще?

— Вещи надо собрать, — пробормотала растерявшаяся Люба. — Я же не могу ехать в том, в чем пришла на работу. Дома надо еду приготовить на несколько дней, чтобы Леля с Николашей голодными не сидели. Родик, конечно, захочет приехать на похороны, но неизвестно, отпустят ли его с работы. Если он не поедет, надо приготовить ему рубашки, носки, белье, он сам ничего не найдет. А если поедет, то собрать его вещи, он сам не сможет собраться, обязательно что-нибудь забудет. Я до сих пор во все командировки его собираю.

— Разбаловала ты его, — проворчал Бегорский. — Ладно, сейчас я выясню насчет самолета и билетов, если что — дам тебе машину, сгоняешь домой за вещами. Оставайся в моем кабинете и звони, куда там тебе надо. Нечего по таким вопросам с рабочего места звонить, у тебя там ушей больше, чем тараканов. Если надумаешь Ларису Ревенко привлекать к решению своих проблем — не стесняйся, я дам указание, ее отпустят. А Родьке я сейчас позвоню, насчет этого не беспокойся.

— Спасибо.

Бегорский вышел, а Люба собралась с мужеством и набрала номер отца. Николай Дмитриевич долго молчал, услышав печальную новость, а потом тихо заплакал. И Люба не знала, что для нее сейчас страшнее: гибель Тамариного мужа и горе сестры или вот эти тихие и беспомощные слезы

отца, ее папы, генерал-лейтенанта, жесткого, мужественного, непримиримого и бескомпромиссного, папы, которого она всю жизнь любила, уважала и боялась и который всегда был для нее примером стойкости и силы. Даже на похоронах мамы он не уронил ни слезинки, а на следующий день вышел на службу, несмотря на гипертонию. Впервые Люба Романова поняла, что отец, которому в январе исполнится семьдесят шесть лет, не только стареет годами, но и слабеет душой. И это было едва ли не так же страшно, как постигшая их семью трагическая утрата.

— Когда ты едешь? — спросил отец.

— Сегодня. Андрюша Бегорский обещал помочь с билетом. Не знаю, как получится, поездом или самолетом.

— Ты одна поедешь? Без Родислава?

— Папа, я пока ничего не знаю, я еще не разговаривала с Родиком. Может быть, его со службы не отпустят.

— А дети? Ты им сказала? Все-таки Григорий их дядя. Они поедут в Нижний?

— У Лели занятия, Коля работает. Не знаю, смогут ли они... Папа, разве это важно? Ты мне лучше скажи: ты сам хочешь ехать на похороны? Если да, то имей в виду: я собираюсь тебя отговаривать. У тебя давление, тебе нельзя волноваться. Тамаре и без того трудно сейчас, а представь, что будет, если ты там свалишься и, не дай бог, попадешь в больницу.

— Ты уверена, что я не нужен Тамаре?

В этом Люба не была уверена. Конечно, если папа придет на похороны ее мужа, Тамаре будет приятно... Господи, что за чушь лезет в голову! Что Тамаре может быть приятно в такой момент?

Для нее сейчас все черно и беспросветно, и, уж наверное, меньше всего ее интересует, придет ли ее отец. Или интересует? Мы помним, кто в тяжелый момент оказался рядом, или по сравнению с нашим горем все это выглядит мелочами, не стоящими того, чтобы обращать на них внимание и помнить о них? Люба попыталась вспомнить, кто из родных и друзей пришел на похороны мамы Зины, но безрезультатно. Она помнила морг, гроб с телом, кладбище, могилу, комья земли и страх за отца, стоявшего очень прямо, с окаменевшим лицом, за которым пряталась такая боль, что Любе казалось — он сейчас упадет замертво прямо в мамину могилу. Кто был в толпе провожающих маму Зину? Кто пришел домой на поминки? Это напрочь стерлось из памяти. Если отец поедет в Нижний, раздавленная горем Тамара может этого даже не заметить, зато если он останется дома, Любе не придется волноваться о нем и каждые полчаса измерять ему давление. С другой стороны, отец и дома, в Москве, может так распереживаться, что выдаст гипертонический криз, а рядом никого не будет. В Нижнем он хотя бы будет постоянно на глазах у дочерей, и первую помощь в случае надобности ему окажут вовремя. Может быть, не стоит его отговаривать?

— Папа, ты нужен Тамаре, она очень любит тебя и нуждается в тебе и в твоей поддержке. Но речь сейчас не о ней, а о тебе, о твоём здоровье. Тамаре не будет лучше, если ты приедешь и заболеешь.

— Я не заболею, — твердо произнес генерал Головин. — Тамара должна знать, что рядом с ней вся ее семья. Мы все должны быть с ней. И твои

дети тоже. Знаю, ты сейчас начнешь говорить, что Леля очень чувствительная и ей нельзя на похороны, но мне кажется, пора прекращать ее шадить. Вы с Родькой пылинки с нее сдуваете и превратили девочку в беспомощную мимозу, до которой даже дотронуться нельзя. Как она жить-то будет? До самой старости под вашим крылом? И про Колькину работу ничего слышать не хочу. Похороны близкого родственника всегда были уважительной причиной для того, чтобы не выйти на работу. Если с этим проблемы, дай мне телефон Колькиного начальства, я сам им позвоню и вправлю мозги.

«Только этого не хватало! — устало подумала Люба. — Дед не знает, чем на самом деле занимается его внук. Он, наверное, умер бы на месте, если бы узнал о том, что Кольку выгнали из института, что он кооператор, варит джинсу, проигрывает огромные деньги в карты и ворует у собственных родителей. Папа думает, что Колька по собственному убеждению не стал после армии восстанавливаться в институте, где его ждали с распростертыми объятиями, что он стремится быть самостоятельным, где-то работает и ведет себя, как примерный сын, брат и внук. И нечего Коле делать в Нижнем, не приведи господь, напьется или найдет какую-нибудь картежную компанию, пропадет в ней на двое-трое суток, а потом явится избитый и обобранный. Или у Тамары что-нибудь украдет. Нет уж, пусть в Москве сидит».

— Коля сегодня утром уехал в командировку, — солгала она. — Если он позвонит домой, Леля ему скажет, что случилось, и он приедет к Тамаре, ес-

ли сможет. Правда, если мы все уедем и дома никого не будет, то он ничего не узнает.

— Не в каменном веке живем, — проворчал Николай Дмитриевич. — Телефон пока еще не отменили. Позвони Кольке на работу и попроси, чтобы с ним связались и все ему передали.

— Хорошо, — пообещала Люба.

Ладно, сына она, кажется, выгородила, теперь осталось решить вопрос с Лелей, которую Люба тоже не хотела везти на похороны. Она договорилась с отцом, что тот приедет вместе с Родиславом, и взяла с него твердое обещание постоянно измерять давление, при необходимости сразу же принять лекарство и ни в коем случае не ехать при малейших признаках надвигающегося нездоровья.

Люба положила трубку, выглянула в приемную и попросила секретаршу Бегорского Надежду Павловну разыскать и вызвать в кабинет директора чертежницу Ларису Ревенко.

— Сделать вам чайку, Любовь Николаевна? — сочувственно предложила Надежда Павловна, которая была в курсе, поскольку директор, поручив ей обеспечить билеты в Нижний Новгород для него и для главного бухгалтера Романовой, объяснил ей, зачем им надо ехать. Андрей Бегорский не терпел лжи и при этом сам никогда не врал и ничего не скрывал.

Чай был вкусным и ароматным. Люба уже почти допила большую чашку, когда дверь открылась и на пороге появилась Лариса.

— Тетя Люба? — удивилась она. — А мне сказали, что к директору вызывают. Не знаете зачем? Я уж чего только не передумала, пока бежа-